

КАЛЕЙДОСКОП

*Английская, французская и итальянская
поэзия XIX – XX столетий*

Стихи 38 поэтов в переводах В.Петрова

Москва – 2000

В оформлении книги использована
живопись П.Сезанна,
рисунки К.Чапека и В.Грибкова

© В.М.Петров, 2000 г.

Посвящается Лидии

Вместо предисловия

К поэтическому переводу я обратился очень рано – лет с 18 – 19, когда собственное творчество привело к необходимости «ощутить изнутри»: как же это происходит «у них»? И оказалось, что «там», несмотря на уйму различий (в каждой стране – своих), бытуют, в сущности, те же «инварианты», контуры общего движения: интонаций, умонастроений, озарений... Позднее, когда пришлось все более углубляться в теорию литературы, психологию, эстетику, семиотику, etc., - поэтические переводы стали служить для меня также некой “отдушиной”, средством “остраненного” взгляда на окружающий “пыльный” мир, иногда даже бегства от этого мира...

Были даже планы построить “чувственную историю” европейской духовной жизни - создать антологию всей современной (XIX – XX вв.) европейской поэзии: выстроить ее в единую линию, а затем оттенить особый аромат каждой национальной культуры! Но на это, видимо, времени уже не хватит, да и другие дела, более насущные, призывают к себе! Посему и предлагается читателю это недостроенное здание (или, быть может, руины существовавшего в мечтах замка) из 38 комнат, в каждой из которых, надеюсь, слышится голос жившего там поэта...

АНГЛИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ
XIX ВЕКА

От Блейка до Киплинга

Вильям БЛЕЙК

Песня смеха

Когда в радостном смехе весь лес дрожит,
Содрогаясь, воздух хохочет, звенит
И, плеснув, смеется ручей, -
Отзвук шуток и наших речей, -

Когда стонет кузнечик, смеясь беспрестанно,
И хохочут Эмилия, Мэри, Сюзанна,
Не стесняясь давать петуха, -
С губ их влажных звенит “Ха-ха-ха!” –

Когда птицы смеются под сочной листвой, -
Друг, будь весел и смейся, и пой со мной,
Там, где стол наш накрыт, где ольха, -
Ты войди в звонкий хор “Ха-ха-ха!”

Джорж Гордон БАЙРОН

Она прошла...

I

Она прошла. Ее краса
Сверкнула, как звезда в лучах!
Тьма и рассвет, мгла и роса –
Все встретилось в ее очах, -
Все, что не могут небеса
Соединить в ночах и днях!

II

Еще лишь тень, еще лишь луч, -
Краса поблекнет и умрет,
И мрак волос ее тягуч, -
Но свет чела ее сверкнет, -
И взгляд ее не знает туч,
И мир в душе ее живет!

III

Ее щека, улыбка, взгляд,
И – побеждает красота,
Но молча взору говорят
О добродетели уста. –
Они нам в мире жить велят,
О сердце, чья любовь чиста!

Перси Биш ШЕЛЛИ

Доброй ночи...

I

Доброй ночи? - О нет, эта ночь союз
Наш разрушит, - а не упрочит;
Но останемся вместе, и ночь – не груз,
Станет впрямь она доброй ночью!

II

Ночь в разлуке нельзя доброй назвать,
Коль не сбудется все, что ты хочешь;
Все забыть, ничего не понять, не сказать –
Станет ночь эта доброю ночью!

III

Для тех, дорогая, кто вместе всегда,
Чей ночью союз так прочен,
Ночь – добрая: ведь они никогда
Не говорят “Доброй ночи!”

Джон КИТС

Тому, кто долго в городском плену...

Тому, кто долго в городском плену
Блуждал, - блаженство видеть небо,
Петь гимн Природе, Солнцу, Фебу,
Молитву счастья – краскам, дню!
Устав, упав в траву, одну
Читать лишь книгу, - как, без хлеба,
Бедняк любил, но счастлив - не был... -
Наивный, милый сказ про старину...
А ввечеру идешь домой: как пух,
Скользит в глазах твоих, как облако, весь мир,
И соловей – ты напрягаешь слух –
Скорбит, что день прошел – роскошный пир!
День пролетел так быстро, точно вдруг
Слезинка ангела упала сквозь эфир...

Джон КИТС

Кузнечик и сверчок

Поэзия земли всегда жива:

Когда все птицы спят, в полдневный зной,

Луг – вымер и молчит, - над тишиной

Поет кузнечик... Высохла трава,

Но он звенит, звенит... Его слова

Поют восторг, и видя над собой

Июля полдень – полдень голубой, -

Он молкнет, и над ним смыкается листва...

Поэзия земли жива всегда:

Зима. Подходит тьма со всех сторон...

Вдруг из камина, рядом, в двух шагах

Кричит сверчок, забившийся туда!..

И слышится сквозь мягкий полусон:

Июль: кузнечик песнь поет в лугах...

Джон КИТС

Как из мерцающей мглы...

Как из мерцающей мглы в светлую высь
Голубь взмывает и мчит на восток
На крыльях, что движет лишь чистый восторг,
Так стремится душа твоя в край синевы,
В край вечного счастья, безмерной любви,
Где души, надев лучистый венки,
Блаженства небесного ясный поток
Вдыхают, с сиянием вокруг головы...
И ты, в светлый хор, без сомнений, труда
Вливаясь, молитву свою возвышаешь,
И Бог всемогущий, склонившись, тогда
Восторг твой со светлой слезою смешает...
Что может быть выше? – Ах, но зачем всегда
Нашу радость печаль уменьшает?

Джон КИТС

И вслед за тем как туман...

И вслед за тем как туман покинет поля
И уйдет в забвенья зима, -
С юга придет, оковы снимая,
Светлый день, и, в ранах, проснется земля.
Она бросит вокруг изумленный взгляд
И, тяжелые веки от сна поднимая,
Испытает извечное чувство Мая,
И дожди – тоску алых роз утолят...
А вокруг бродят тени, мечты и виденья:
Набухание почек, осенняя тяжесть плодов,
Вот дыханье ребенка и солнца сверканье в воде,
Вот щека Сафо, - и любовная тонкая сеть, -
И песок течет сквозь часы, тише снов, -
Вот лесной ручей, - и Поэта смерть.

Джон КИТС

Откуда, почему ночной мой смех?

Откуда, почему ночной мой смех? –
 Ответа нет; молчат и Рай , и Ад,
 И Бог, и Дьявол, Чистота и Грех,
 И я к душе своей – вопрос и взгляд.
 Душа! Ты, как и я, сейчас одна;
 Скажи, откуда смех? О боль немая!
 О Тьма! Лишь ты одна в ночи видна,
 Я к Небу, к Аду и к Душе взываю! –
 Откуда смех? О этой Плоти дрожь!..
 Меж тем мечты летят во тьме до края ночи
 К блаженству... Эта Жизнь – лишь стертый грош,
 Флажки цветные мира – вижу в клочьях:
 Стих, Слава, Красота – вы – ярче всех других,
 Но Смерть – сильнее, Смерть – Жизни высший
 гимн!

Джон КИТС

Последний сонет

О яркая звезда! Когда б я мог
 Быть вечным и, как ты, застыть в ночи,
Раскрыв ресницы, Вечности поток
 Смотреть – как страж, что, бодрствуя, молчит, -
Течение вод, приливы вокруг Земли –
 И вглубь людских морей проникнет взор, -
И видеть, как Земля меняет лик, -
 Покровы снега на вершинах гор...
Нет! Лучше – если я не изменюсь
 И снова у любимой на груди
Найду забвенья бремени и уз, -
 Чтоб в вечном колыханье, как в пути,
Дыханье слушать – и оцепенеть...
Так жить всегда... - Иль сразу умереть!

Томас ХУД

Той, которая далеко

Над холмами, над долом и над океаном,
Над простором, что между нами царит,
Моя мысль, минуя далекие страны,
Отдохнуть с тобою летит.
Ты мне так дорога, и чем дальше, в тумане,
Все моря, что меж нами, просторы, пути, -
Тем сильнее меня вновь волнуют и манят,
И влекут, и тревожат твои черты.
Ты теперь далеко, но незримые связи
Привязали меня к твоей судьбе,
И я понял все то, чем тебе я обязан,
И все то, что – увы! – потерял в тебе.
Но – прощай! И пускай знает только ветер –
Я постиг тебя в прозреньем своем:
Так, не узнаны, ангелы бродят меж нами по свету, -
Лишь когда улетают, - мы их узнаем!

Томас ХУД

Песня

Звезды в глаза путника
Смотрят, где бы ни плыл он;
Солнце свой час знает;
Луна с мерным приливом...
Но посмотри, посмотри на мир,
На моря и зеленые нивы:
В сердце влюбленного – только любовь, -
Где бы он ни был.

Где бы он ни был, везде и всегда –
Звезды теряют свой блеск, -
Уходит за тучи луна,
Солнце садится во мгле...
Солнце заходит. – Но ярче любовь
Сияет, всегда и везде,
И тусклой ночи – нет, - то не ночь, -
А день – ярчайший день!

Томас ХУД

Серенада

О милая, ты спишь – и не знаешь:

Я думаю о тебе, и сна - нет,

Я говорю с тобою, и луна...

Ты спишь и улыбаешься во сне...

Я рыдаю – так сладко и грустно мне

С мыслью о тебе, сквозь слезы дыша,

И пока весь мир уснул в тишине, –

Для меня проснется твоя душа!

Спи, спи, улыбаясь мне,

У невесты сна – золотые мечты!

Я пою о тебе в ночной тишине,

В комнате тихо спишь ты,

И мне этой сладкой мечты цветы

Простые – прекрасней, чем царство сна...

Я один средь ночной высоты

Пою о любви. Тишина.

Томас ХУД
Подветренный берег

Буря! Дождь и снег!
Ветер – как в аду!
И песок на дне
Замутил волну!

Ветер, словно демон,
С морем говоря,
Мечет по воде
Лодку, и моряк

Слышит: там, где дом,
Галька, берег гол,
Там, где свист кругом
И смятенье волн, -

С криком и мольбой
Плачет там жена,
Но улыбка Бога
В небе тяжела;

Слышит: плачет сын...
Ветер, гром и треск!..
Вспомнил: моря синего
За окошком блеск!..

Лодку – пусть на берег
Вынесет прибой...
Боже! Пусть все верят
В кров над головой!

Томас ХУД

Я люблю тебя

Я люблю тебя – я люблю тебя –
Это все, что я говорю,
Этот сон заполняет мне ночь,
Этим сном я днем горю,
Это эхо моей души
И молитва, что я творю,
Я люблю тебя – я люблю тебя –
Это все, что я говорю!

Я люблю тебя – я люблю тебя –
На устах моих весь день,
И во всех моих гордых стихах
Эта песня звенит везде,
Это приговор моих глаз:
Среди юных – подобна звезде;
Я люблю тебя – я люблю тебя –
Тебя – из тысячи дев!

Я люблю тебя – я люблю тебя –
Твоих глаз карих цветы,
Звуки влажные лютни губ –
Им блаженство и радость нести!
Но превыше всего – гордость твою,
Ей от этих стихов – расцвести!
Я люблю тебя – я люблю тебя –
Что б ни ответила ты!

Томас ХУД

Баллада

Жребий нашей любви был брошен,
 Был закат, и ветер утих...
Это было, когда цвели розы, -
 Мы срывали их на пути...

И весна для нас, полюбивших,
 Забыла о бурях зимы!
И весь мир был в венке из цветов,
 Когда встретились мы!..

Были сумерки, и, непреклонная, ты –
 Обещала сегодня придти.
Это было, когда цвели розы,
 Мы срывали их на пути...

Слезы с моих горящих щек
 Жадно ловил я ртом.
Я спросил: любишь ли ты? –
 Ты взяла зеленый бутон –

И, раскрыв, показала мне
 Сердцевину алую ты!
Это было, когда цвели розы, -
 Мы срывали их на пути...

Томас ХУД

Стансы

Жизнь, прощай! Мой разум мертв,
Скоро мрак – весь мир займет,
Тени, толпы и туман, -
Ночь идет. Чернеет тьма –
Все темнее, холодней...
Толпы призраков страшней...
Запах тленья на дороге...
И могильный холм – над розой...

Здравствуй, жизнь! Мой разум светл!
Снова – силы и рассвет!
Луч – сквозь холод темноты!
Над землей плывут цветы...
Запах розы на ветру,
Тени тают поутру!..
Солнце светит с новой силой!
Снова – роза над могилой!

Элизабет Баррет БРАУНИНГ

Невыразимость души

В дрожании губ, пустыми словами
Я тщетно пытаюсь высказать вслух
Ту музыку, что наполняет мой дух,
И сны, и мечты – и ночами, и днями:
Октавы страстей, мир с его голосами, -
Все то, к чему свет невнимательно-глух,
Пока мой язык непослушен и сух, -
Что в вечность уходит большими шагами...
Ту песнь души – мечту я лелею –
Я вынесу в мир из заветной глуши
И музыку вылью. – Но если посмею –
Так молния вдруг свою тучу крушит, -
Паду, сражена, и постичь не успею
Апокалипсис своей души!

Альфред ТЕННИСОН

Сова

I

Когда кошки вернулись, и свечи горят,
И роса покрывает луг,
И ручей затихает, и спит ветряк,
 Шелест крыльев делает круг,
 Шелест крыльев делает круг, -
Хитро косясь на открывшийся вид,
На колокольне сова сидит.

II

Когда служанка, вдыхая утро,
Улыбаясь, глядит на росистый след,
И петух в курятника душном уюте
 Пропел трижды куплет,
 Пропел трижды куплет, -
Хитро косясь на открывшийся вид,
На колокольне сова сидит.

Альфред ТЕННИСОН

Вторая песня о сове

I

Ты пропела песню свою.
Эти крики в ночной темноте
Повторило эхо зовущее,
 Эти крики начали день,
 Эти крики начали день.
Этот голос, что солнцем восшедшим скрыт,
Ослабевая, весь день звучит.

II

До сих пор слушаю песню твою,
Не могу повторить звуки твои,
Только ты, тоскуя, кричишь: ту-вуу!
 Это ты тянешь: ту-уитт!
 Это ты тянешь: ту-уитт!
И прощаясь, тоскливо звучит:
Ту-вуу! Ту-вуу! Ту-уитт! Ту-уитт!

Альфред ТЕННИСОН

Песня

I

В мерцающем свете
Кольшет ветер
Дрожащие ветки...
Сидит Печаль над звенящей волной...
Морщины у лба,
Лежит лопата,
Видна могила под полной луной...
Печаль одна,
Она Смерти ждет.
Светит луна,
Слезы сливаются с морозящим дождем...

II

Рядом стоит Смерть.
Ей – никогда не тлеть,
Только глаза тускнеть
Начинают, но ей – не спится...
Она грустит,
Дождь шуршит,
Смерть плачет, ее сердце готово разбиться...
Падает снег, тает...
Жалобно стонет ручей на дороге...
Смерть волосы распускает...
Мир умирает, но сердце ее – не дрогнет...

Альфред ТЕННИСОН

Песня

I

Печали дух посетил последний день лета.
Он шел между желтых кустов, листьев и веток,
Тихо он бормотал...
Вечером слышали листья,
Как, идя по аллеям, он всхлипывал
И рыдал.
Он к земле наклонял
Все, что желтого цвета:
Вянет большой подсолнух,
Цветы головы опустили,
Тихо стоит мальва,
Низко склонилась лилия...

II

Воздух прозрачен, в нем нет вопросов,
Как в доме больного, когда он просит
Отдыха перед смертью.
Я блуждаю и вижу лишь тленье,
Душа страдает, и всех превращений –
Не смерить,
И взгляд увидеть не смеет
Последнюю розу...
Вянет большой подсолнух,
Цветы головы опустили,
Тихо стоит мальва,
Низко склонилась лилия...

Альфред ТЕННИСОН

Ничто не умрет

Когда не смогу я реки теченьем
Наполнить рот?
Когда ветер, дужа, устанет в смятенье,
Остановив полет?
Когда облака перестанут литься?
Сердце когда устанет биться?
Природа умрет?
Нет, никогда! Ничто не умрет!
Река течет,
Ветер метет,
Облако льется,
Сердце бьется, -
Ничто не умрет.

Ничто не умрет,
Но все переменит
Время.
О зимы тоскливое бремя!
Лето и осень
Давно позади,
Земля насквозь
Продрогла, но где-то в груди
Весна родилась,
И пошла походкою незнакомой,

И ветры вдруг
Поднялись на земле,
И задули, и стало светлей и теплей,
Все вокруг
Наполняется жизнью новой!

Мир не был рожден,
Он меняется с каждым днем,
Овевает ветер меня,
И утро, и ночь
Будут всегда,
Как вода и земля,
Ничто не умрет
И не сгинет прочь, -
Только время все изменяет...

Альфред ТЕННИСОН

Все умрет

Нежно журча в переливах теченья,
Река течет.
Южные ветры ни на мгновение
Не прекратят полет.
Белые облака не перестают литься,
Теплый май заставляет биться
Сердца веселей...
Все это умрет!
Река – уже не течет,
Ветер – уже не метет,
Облако – больше не льется,
Сердце – уже не бьется, -
Все это умрет.

Все умрет,
Никогда весна не придет!
Все тщетно,
Смерть за дверью нас ждет!
Все наши друзья уж забыли
Смех и вино, что когда-то пили...
Нас зовут – и надо идти,
Мы идем и идем, и тихо
В темноте нас оставят лежать...

Стихли песен веселые звуки,
Птичьи трели
Уж чуть долетели...
Только ветер хватают руки
Деревьев!

О, мне жизнь эту жаль!

Слышишь – смерти голос зовет,
Пока я говорю с тобой,
Моя челюсть вдруг упадет,
Мои щеки вдруг побледнеют,
Мои пальцы вдруг ослабеют...

Это в жилах кровь леденеет,
Это яблоки глаз стекленеют...
Колокольный, прощальный звон...
Жизнь, прощай, о веселый сон...

Земля наша
Была рождена
В далекие времена...
Но выпита чаша,
И земля умереть должна.

И пусть меня овевает ветер,
И волна голубая в берег бьет!
И утро, и ночь
Я не вдохну,
Когда сгину прочь,
В черную тьму,
Все, что родилось на свете, -
Все умрет!

Альфред ТЕННИСОН

Из Анакреона

Венок, пахнувший мускусом,
С белыми розами,
С нарциссов желтыми гроздьями, -
Лентой связал я узкой.

В венок для любимой,
Чьи жадно ловил я взоры,
Я вплел белые лилии, -
В венок для Леноры.

Ленора, нежно смеясь,
Кинула ласковый взор.
Венок она ловко надела –
И любит меня с тех пор.

Альфред ТЕННИСОН

Плыви на восток, счастливый земной шар...

Плыви на восток, о счастливый шар,
Оттуда, где умирает закат,
Багряное небо, предсмертно дыша,
Дрожит... Не оглядывайся назад!
Плыви до тех пор, пока твой взгляд
Не встретит серебряный взор Луны,
И долы, что до поры темны,
Внезапным блеском его отразят!

О унеси меня, счастье даря,
Туда, где лишь свет звездных лучей,
Где после брачной ночи – заря,
И снова – сотни счастливых ночей!

Альфред ТЕННИСОН

Бей, бей, бей!

Бей, бей, бей,
Океан, по холодной скале!
О если б язык мог промолвить о том,
Что пеной встает во мне!

Хорошо рыбацкому сыну,
Он кричит, играя с сестрой!
Хорошо петь в море юнге,
Его лодку качает волной!

Величаво плывут корабли,
В свою гавань идут, за мол...
Но – прикосновенье умершей руки
И голос, который умолк...

Бей, бей, бей,
Океан, по холодным камням!
Но нежная тень ушедшего дня
Уже не коснется меня...

Альфред ТЕННИСОН

Песнь поэта

Дождь утих, и Поэт встал.
Он прошел через город, сквозь уличный гам,
Влажный ветер, далекая радуга,
И пшеница колыхнется в такт шагам...
И, устав, одинокий, на пенек он сел,
И песня, светла, полилась по лугам,
Дикий лебедь в полете застыл в облаках,
Жаворонок упал к Поэта ногам.

И застыла змея в гнезде с детьми
И ласточка, догонявшая мотылька,
Опустился ястреб, что в небо взмыл
С добычей, несомой издалека.
И молчал соловей: «Сколько песен я спел,
Ни одна не была так ярка!
Он поет о том, каким будет мир,
Когда мы исчезнем в веках...»

Альфред ТЕННИСОН

Песнь рожка (из поэмы “Принцесса”)

Рожок, играя, золотит
Лучом рассвета стены замка,
Вершины гор в воде озер,
Дрожа, растаяли внезапно.
Труби, рожок, труби! Пусть эхо зазвонит
И звонко-звонко вдаль летит, летит, летит!

У скал, в реке и вдалеке
Отражены лучи рассвета.
Рожок, играй! И эльфов край
Уж вторит песнею ответа!
Труби, рожок, труби! Рассвет пусть золотит
Тот край, где песнь летит, летит, летит!

Она легка и высока
И, как любовь, не умирая,
Среди людей – звенит везде,
Как отклик, не ослабевая...
Труби, рожок, труби! Пусть эхо зазвонит
И звонко-звонко вдаль летит, летит, летит!

Альфред ТЕННИСОН

Там теперь океан...

Там теперь океан, где росла сосна...

О Земля, сколько знала ты перемен!

Там, где улицы шум, надменно
Моря гладь пробегала волна.

А холмы – только тени; они бегут

И меняют форму; ничто не стоит,

Они тают в тумане, земля летит,
Как облака, сбиваясь, утром.

И в мыслях всегда вижу, как явь, -

Мир, сквозь его гибели тайну.

И губы, разжавшись, шепнут: «до свиданья»,
И не могу привыкнуть к «прощай!»

Альфред ТЕННИСОН
Юнга

Он встал на заре и, без страха
Скользя по кипящей в шторме воде,
Подплыл к кораблю, взбежал по трапу
И дерзко свистел последней звезде!

Но когда он свистел, - волна принесла
Ему русалки страстный крик:
“О юнга, ты – погибнешь без славы,
Тебя погребет чужой материк.

Я вижу тебя на дне морском,
Вот в ребрах твоих копошится краб,
Твои глаза занесло песком,
И ноги твои опутал трап...”

- Пускай! – отвечал он. – Ведь всюду смерть
Нас ждет – от болезни, ножа, грома,
И лучше смерть, чем всю жизнь сидеть
Праздно, с пустыми руками дома.

Там плачет мать, обнимая меня,
И сестры кричат: “Остаться – позор!”
Отец не может прожить и дня,
Меня не прокляв, как будто я вор.

Да поможет мне Бог! Судьба впереди –
Смерти в глаза посмотреть!
Дьявол, ревуший в моей груди, -
Страшней, чем любая смерть!

Альфред ТЕННИСОН

Цветок

Я в землю бросал семена
Под солнцем счастливого дня,
И вырос цветок у меня,
А люди сказали: “Сорняк!”

Взад и вперед они ходили
Мимо моего сада,
Бормоча, мне и моему цветку сулили
Все муки ада.

А цветок рос, красотой радуя,
Он вырос красивый очень.
И тогда воры перелезли через ограду
И украли семена ночью.

Они их посадили всюду:
В городах, деревнях, у сельских дорог,
И стали говорить люди:
“Прекрасный цветок!”

Не спеши завершать басню, -
Слушай дальше меня:
Стали все сажать цветок красный, -
Ведь у всех есть семена:

Есть они у прекрасной леди,
Их имеет каждый бедняк...
И снова о цветке люди
Стали говорить “Сорняк!”

Роберт БРАУНИНГ

Встреча ночью

I

Серое море, над ним, невысок,
В небе желтый висит полумесяц...
 Волна порой чуть слышно всплеснет,
 Потом уснет, и снова придет...
Я лодку веду в знакомое место,
И киль прощуршит сквозь мокрый песок.

II

Потом идти сквозь дюны упруго,
Пройти три поля, и будет дом,
 И легкий стук, свет спички в окне,
И голос, что-то шепчущий мне...
Все спит вокруг равнодушным сном,
Лишь наши сердца стучат друг другу!

Расставание утром

Над дальнего мыса темной чертой
Выплыл шар и поплыл по воде...
Ему – скользить золотой тропой,
А мне – идти в этот мир людей!..

Роберт БРАУНИНГ

Моя звезда

Все, что я знаю о любой звезде,
Одной из многих, летящих везде,
Как брошенный поплавок, мелькнувшей,
Вмиг появившейся и утонувшей, -
То, что она бывает бесконечно-разной,
Сияет голубой, мелькает красной,
И, говорили мне друзья,
Так загорится звезда моя:
Мелькнет голубой, сверкнет красной,
Переливаясь чистой и ясной...
Остановилась. Парит как птица.
Так отцветший цветок, спеша закрыться,
Вдруг побледнел, пожелтел и поник...
Но что мне за дело, что звезда – это мир для них,
И пусть вздыхают Сатурн и люди,
Мне – все равно, что со звездой будет!
Пусть звезда моя,
Открыв мне душу, мелькнет...
За это я
Полюблю ее.

Чарлз КИНГСЛИ

Возвращение рыцаря

Чу! чу! чу!
Жаворонок вторит ручью...
Во мраке бормочут в долине драконы,
И каркает ворон, и слышатся стоны,
Но пусть зловещи деревьев кроны, -
Скачу я домой, к родимому лону!..
Чу! чу! чу!
Жаворонок вторит ручью...

Чу! чу! чу!
Жаворонок вторит ручью...
Долго блуждал, не сходил я с коня,
Пустыней, лесами, Ей верность храня,
Ей, той, что сидит у окна, без огня,
Дитя на коленях, и ждет меня!..
Чу! чу! чу!
Жаворонок вторит ручью...

Томас ХАРДИ

Погода

I

Такую погоду любит кукушка
И я;
Вот синиц приютилась в каштанов верхушках
Семья;
Соловей заливает все окрест,
Примеряют служанки муслин невест,
Под навесом “Пир путника” – нет уже мест,
И все грезят про юг и про Южный Крест, -
Как я.

II

Такой погоды боится пастух
И я;
В дрожи буки листья роняют, испуг
Тая;
За холмами надрывно стонет прибой,
До краев наполнен ручей водой,
А капли росы на засове – как строй,
И семейство грачей спешает домой, -
Как я.

Роберт БРИДЖЕС

Весна приходит из снегов...

Весна приходит из снегов,
И Май – молочно-бел,
Вот с белоснежных облаков
На землю – луч слетел;

Белеют бабочки кругом
И рад цветок весне,
И вишня с грушей за окном
Вокруг роняют снег...

Альфред ХАУСМАН

Когда мне было двадцать

Когда мне было двадцать,
Мудрец мне говорил:
“Дари цветов букеты,
Но сердце – не дари,
Дари рубины, жемчуг,
Но лишь – свободным будь!”
А я – мне было двадцать –
Не слушался ничуть.

Когда мне было двадцать,
Он повторял мне вновь:
“Ты много потеряешь,
Найдя свою любовь;
Что обретешь ты? – Вздохи,
Печаль, тоску и сплин...”
Теперь я понял это, -
Ведь мне – двадцать один!

Вильям Батлер Ейтс

Когда ты состаришься...

Когда ты состаришься, станешь совсем седой,
Над камином склонишься, где угли шипят,
Ты открой эту книгу и вспомни взгляд,
Что когда-то в тебе отражался тобой.

И пусть многих пленяли твои черты,
Кто-то счастья искал, красоты или ласк, -
Но один лишь любил перемены печальных глаз,
Душу странника, ту, что в глубинах скрывала ты.

И склонясь над огнем, среди призрачных грез,
Ты шепнешь чуть печально: "Любовь прошла", -
Над горами, над морем она проплыла
И скрыла лицо среди тысячи звезд...

Вильям Батлер Ейтс

Спешу в Рай

Когда я Ущелье Ветров миновал,
То каждый мне в шапку полпенни бросал, -
Ведь я – спешу прямо в Рай;
О чем бы мечтать еще я мог?
Вот кто-то обедал, взглянув за порог,
Мне бросил соленой рыбы кусок,
И – королю равен нищий!

А как постарел Мартин, мой брат,
Уж он и поклонам в деревне не рад,
А я – спешу прямо в Рай;
Конечно, печально его житье,
Хоть есть у него служанка, ружье,
И дом, и сарай, и поле свое,
Но – королю равен нищий!

Все бедные стали уже богачами,
А все богачи, обеднев, - бедняками,
А я – спешу прямо в Рай;
И умный прослыл, отупев, дураком,
А тот, кто в школу бежал босиком,
Ступает усталым теперь башмаком,
Но – королю равен нищий!

Уж ветер устал дорогу мести,
Я должен спешить на своем пути,
Ведь я – спешу прямо в Рай;
И друга мне не пришлось повстречать
Такого, как ветер, - его не продать,
Его не купить и не привязать,
И – королю равен нищий!

Лоренс ХОУП

Из книги “Сад Камы”

(Любовная лирика Индии)

Свадебный хоровод мыслей (Морселлин-хан)

Жених:

Я вверяю тебе мой дом, мою шпагу и честь,
И ту славу, что я снискал, защитив рубежи,
Все богатства, поля, где уже урожай встает,
И сегодня в ночь я свою передам тебе жизнь!

Невеста:

Опустив глаза, не могу их поднять,
Не могу сказать: иль чего-то мне жаль?
В сладком счастье дрожу, и твою красоту
Вижу я сквозь ресницы и сквозь вуаль...

Младшие сестры невесты:

Мы бросаем цветы, все цветет,
И букет вас у ложа ждет,
О когда же придет наш черед?

Мать невесты:

Я смотрю – и слезы текут сильнее!
(Где ты, юность, где счастье минувших дней?)
Вот жених, и послан он ей судьбой!
(Где ты, где, о первый возлюбленный мой?)

Невеста:

Всех страшит твое имя, меня – твоя красота,
 Неужели не только в мечтах
 Я тебя обниму? Но я ночи боюсь,
 О любимый, прости мне мой страх!

Младшие сестры невесты:

О сестра наша, ты – как бутон!
 На груди – ожерелья звон!
 Там покоиться будет Он!

Танцующие девушки:

Его волосы – точно шелк; как жасмин –
 Его зубы; о как он весел сейчас!
 За него бы – отдать весь коралл и рубин!
 Эта свадьба – такая утрата для нас!

Невеста:

Скоро музыка смолкнет, вокруг закружится ночь,
 Все уйдут, плотно двери закрыв за собой,
 Наши встретятся губы и наши тела прильнут,
 И я выпью тебя и, любимый, смешаюсь с тобой!

Проходящий нищий:

В громе музыки, в свадебном пире,
 Братья, будьте ко мне добры!
 Я иду давно, путь к Богу далек,
 На дорогах камни остры.

И пир всегда печален для тех,
 Кто стоит за дверьми;
 И Любовь – лишь сон, и Жизнь – только сон,
 И только сон – весь мир...

Радиард КИПЛИНГ

Города, державы и троны

Города, державы и троны
Хранит Времени глаз.
Поникнув, вянут бутоны,
Чей прожит час.
И как девы новые зреют
Для счастья новых мужчин, -
Из праха Земли на заре
Города встают как один!

Краток Нарцисса сезон,
Он никого не спросит,
Какое из многих зол
Сразило прошлую осень.
Самоуверен цветок –
Невежеству вторит беспечность, -
Свой семидневный срок
Он принимает за вечность!

О Время, тебя ль не любить?
Ты, распростершись над нами,
Велишь нам слепыми быть
И падать рядом с цветами,
В могилу смело сходить,
За тенью – тень, только мгла,
И на краю говорить:
“Пусть длятся наши дела!”

АНГЛИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ
XX ВЕКА

От Джойса до Одена

Джемс ДЖОЙС
Из книги "Камерная музыка"

I

Струны земли и неба,
Нежный звучит перелив,
Струны реки, где в неге
Сонные встречи ив,

Струны звучат над рекою –
Любовь бродит над ней,
Одежды с цветами простыми –
И отраженье в воде.

Склонила чело, играет,
Внимая звукам своим,
Пальцы тихо блуждают
По струнам тугим.

II

А сумерки – как аметист,
Но все темнее и темнее...
Зеленый, бледный лампы свет
Пролег, как отблеск, по аллее.

И звуки старого рояля –
То веселы, то замирают, -
Не поднимая глаз от клавиш,
Она, склонившись, все играет...

Застенчивы мечты, и тихо
Блуждает взгляд ее, лучист,
А сумерки сверкнут, темнея,
Сверкнут, - как аметист.

Лоренс БИНЬОН

Я очень многого хочу

Я очень многого хочу,
Пусть мир так узок в эту ночь;
Пусты слова суетных чувств,
Мой стих, - пусть все уходит прочь!

Победы, обиды, холод, зной,
Все беды мира, тревоги, страх –
Забить их горе, взять счастье. Оно –
В твоих объятьях, твоих губах!

Ральф ХОДЖСОН

Птицелов

Приходит лето, я иду
С силком на ловлю птиц,
Ловлю Беспечности щеглов
И Радости синиц.

Брожу, расставивши силок,
В кустах моей души,
И много песен Красоты,
В меня влетев, дрожит.

Уолтер де ла МАР

Серебряный пенни

“Эй, моряк, хочешь – дам тебе
Блестящий серебряный пенни,
Если за море увезешь меня
И сестрицу – милую Дженни?”

“Что ж, доставить, юноша, я берусь
И Вас, и красотку Дженни,
Но пусть локон уплатит она золотой,
Мне не нужен серебряный пенни.”

Поплыли они, поплыли они,
Подул ветер, неистов,
И брызги летели, как облака,
Светлея в ночи мгlistой.

Бросала корабль волна,
Нависая над головой,
На берег им никогда
Не вернуться домой!

Утонул корабль, утонул моряк,
Утонула красотка Дженни,
Утонул, уйдя на черное дно,
Блестящий серебряный пенни.

Эдвард ТОМАС

Сквозь темноту

Сквозь темноту, по свежему снегу
Невидимкой олень скользит к ночлегу,
В неслышном беге,
Коричнево-пегий,
И – лань. А в небе – сияние Веги...

Тихо ветер крадется мимо,
Лишь погаснет свеча, - он в неясном дыме
Игру поднимет
С тенями одними,
И дрогнет сердце, - метель над ними!..

И ветер, и я, и звезда в небесах,
И лань, и олень – все мы рядом впотьмах,
И страх на устах,
И как впопыхах
Дышу, и только их бег – в ушах...

О как слаб и беспомощен свет,
Любовь – и вопрос, восторг – и ответ,
И гаснет их след,
Ничем не согрет,
И ничего, кроме ночи, нет.

Эдвард ТОМАС

Время, когда поют петухи

Ночной лес мыслей, что стоит, дремуч,
Сразил серебряный рассветный луч.
В ночи двух петухов внезапный крик
Пронзает пустоту. И вот возник
Их образ предо мной: два трубача
Стоят, как на гербе; горит парча;
Два алых трубача, их отзвук – в дальних сферах!
Молочницы гремят бидонами на фермах...

Гарольд МОНРО
Мясо для кошек

Эй, кошки! Вы дождались часа:
На улице – раздача мяса!

Вот с песней мальчик тащит тачку –
Всем кошкам с улицы – подачку!

Скорей, Мальвина! Эй, Урод!
По яркой улице – вперед!

Бродяга Блэк, скиталец Плут,
Окончив странствия, бегут.

Эй, драчуны и ловеласы,
Внемлите: Мясо! Мясо! Мясо!

Хвосты – торчком, и когти – в массу,
За труд вам – пенни: Мясо! Мясо!

Хозяйка здесь? – Мурлычьте в пенье:
Текут нам от хозяйки пенни...

Служите ж ей, она – ваш Рок,
Что любит вас, хотя и строг!

(А ты, Пушок, домашний котик,
Соси в тепле малютки-когти.)

Но вновь, как вихрь, летят, стремятся
Призывы: Мясо! Мясо! Мясо!

Джон СКВАЙР

Баллада о жизни поэтов

Бездарности топчут асфальт столиц,
 Мечтают политики о войне,
 Епископы, с благоразумьем тупиц,
 Толкуют жертвам – об их вине;
 И Честь, и Любовь – забыты в возне,
 Но Алчность и Власть – им расти и греметь,
 Трусливым – играть на смутьянов струне, -
 Вот мир, где поэтам – и жизнь, и смерть.

Вот Шелли – альбомы для учениц,
 И прямо в небе – в рекламном огне:
 “Кашу Брауна ел Джон Китс
 Век назад, - как и все в стране!”
 Мильтон – это часы на стене,
 Аркадия – зонт, а не райская твердь,
 Сафо – моей даме помада к весне, -
 Вот слава поэтов, их жизнь и смерть.

Но вновь к Идеалам, быстрее птиц,
 К их звездам забытым – лететь на коне,
 Принять поражение, не падая ниц,
 Воспеть этот мир, проклятый вдвойне;
 Безумные цели – таить в глубине
 Души, голодать, никогда не иметь
 Той славы, что явится к ним лишь во сне, -
 Вот то, в чем поэтам – и жизнь, и смерть.

Посылка

Принцесса, вот текст для надгробия мне:
“Он жил, не желая просить и скорбеть,
И пил чашу жизни, где яд был на дне” –
Вот участь поэтов, их жизнь – и смерть.

Джон СКВАЙР

Зимние сумерки

Желтая штукатурка
Времен Регентства
Осыпается и падает...
Окна большого
Старого дома
Молчат, пусты...
Темные деревья
Охраняют ворота,
В паутине ограда,
И над вымершим миром
На холме упрямо
Дом застыл.

Говорят, что в отставке,
Давно когда-то,
Здесь жил и умер
Старый полковник
(Мюррей, Фрезер –
Не все ли равно?).
Смерть явилась,
Его позвала
В беспросветную мглу...
И с тех пор тут осталась
Пустота, тишина,
И всегда темно.

Но тогда, когда жил он,
Все ли было здесь так же?
Так же крался ли ветер?
Так же тучи летели?
Так же каплями дождь
Швырялся в лицо?
Тот последний день,
Был ли он ему страшен,
Когда сумерки тихо
Опускались вокруг
И все тени уже
Погрузились в сон?

Может, медленно брел он;
У себя в кабинете
Зажигал все свечи
И, закрыв все ставни,
Проклиная сырость,
Он топил камин?
Вспоминая детство,
Индию, счастье
(Разве было все это?),
Он часами бредил
Про кабанью охоту
И сидел один?

Может быть. Но теперь –
Ушел он. От него –
Ни от тела его,
Ни от вещей,
От реликвий, трофеев побед –
Нет следа.

И бурет трава
У калитки и у порога,
Стены грязны и желты,
Сад разросся,
И больше никто
 Не заходит сюда.

И я прочь уйду,
А вокруг в беспорядке
Грязно-серые тени:
На земле, на деревьях,
На взрыбленных лужах,
 Ограде, камнях...
Вот уж холм позади,
Колея петляет,
Вот забытый стог,
Я шаги направляю
Прочь из этого края,
 Где один лишь прах.

Дэвид Герберт ЛОРЕНС

Сумерки

Тени тьмы проступают, на запад идя;
Улетают ласточки с излюбленных мест;
Сено помнит веселье, игру и дитя;
Старая, висит палимпсест.

Источает духи левкой;
Мотылек – на пчелу похож;
Все всплывшее днем в пене мирской –
Тонет, как ложь.

Забыли веселье детей уста;
Лишь свет звезды не погас, -
Мигает: дня суета
Скрылась из глаз.

Дэвид Герберт ЛОРЕНС

Пригороды в туманный день

О грубоформные дома, вы неизменны,
Какого с вас факира плащ приподнят,
Чтоб вас преобразить – и переменной
С отцветшей плоти снять угрозу преисподней?

Разбросаны, застыли резко формы
Пустых квадратов, сжатых кубов – или
Растраченных в бессмысленном избытке –
В какую из кислот вас погрузили?

Кирпичную свою утратив плоть,
Паря, как в цирке – смело, нагло, робко, -
Побеждены, вы испарились прочь,
Оставив на земле одни пороки!

Зигфрид САССУН

Старая история

Адам – обрюзгший старый хищник под дождем –
Дрожа, под вымокшей оливой выжидал,
Уткнув в колени нос, взывая, завывал;
Его рассудок мерк, лишь было в нем:
“И все же Каин – лучшим был во всем!
Храбр, точно лев, чье логово в горах,
В зной или холод, ночью или днем –
Неистовый во всех своих делах!”

Он мрачно вспомнил Авеля, чей взор
Был нежен, как любовь, в глазах – беда;
“Боялся драться, ведь убить – позор!
Бог ненавидел Каина всегда!..”
Вода текла, как слезы – в три ручья. С травы
Он встал – старик, чьи сыновья давно мертвы.

Уолтер Дж. ТЕРНЕР

Эпиталама

Может ли любовник поделиться душой,
А наперсница – ум проявить?
Возможно ль телам разделить красоту
И, насытившись, похоть убить?

В браке совместно делят стол,
Компанию, сытый постой;
Но что же делать с тобой, любовь,
С телесною красотой?

Если любовь – привязанность, - я
Люблю старый плащ, деревья, здания,
Все, что делило и делит со мной
Ежедневно страдания.

Так преданный муж любит жену:
В его чувстве есть человечность
И скорбь по совместно прожитым дням,
Так быстро ушедшим в вечность.

Но что же делать с тобой, любовь,
С кипеньем безумств молчаливым,
С отчаянной болью души оттого,
Что девушка или холм красивы?

Я сегодня смотрел на рассвет,
Трепеща, как любовник; меня
Пронзило чувство, и я не мог
Сказать ни слова, окаменев.

Уолтер Дж. ТЕРНЕР

Люди тают как скалы

Как скалы, души людей
Точит поток годов;
Бьется в шершавую грань
Звон колоколов.

Чувства, нежнее росы,
Смывает дождь под свирель
Ветра, который множит
За щелью щель.

Гладки, как камни в реке
(День и ночь – прилив и отлив),
С каждым часом тают они,
Чувства забыв.

Как скалы, души людей
Точит поток годов;
Льется, как вечный дождь,
Звон колоколов.

Уолтер Дж. ТЕРНЕР

Любовная песня

Легчайшая, с шелковой кожей газель,
Скользя над ночным холмом,
Нежным телом не может сравниться с той,
Что в сердце царит моем.

И пусть я утрачу ее красоту,
Лежа с ней, прильнув к устам,
Я хочу передать этот образ, чтоб он
Открылся новым глазам.

Уолтер Дж. ТЕРНЕР

Танцовщица

Танцую, девушка поднимет лицо,
Покорное среди поникших цветов;
Джаз-банд выбивает, гремя и звеня,
Сверкающий ритм много часов.

Ее окружают мужчины в черном,
Но их чувства мелки в слепоте;
Так кружатся луны вокруг Сатурна
В космической пустоте.

Но нет у Сатурна странного взгляда,
Несчастно-спокойно-далекого;
Так сверкнет на Ночи бледном лице –
Отблеск дня, смутный и легкий.

Эдвард ШАНКС

Маневры на Рассел-сквер

Засохшие листья, спускаясь на Рассел-сквер,
У ног падают в грязь и прах из далеких сфер.
И мы станем прахом далеких равнин Франции,
Прежде чем листья закончат осенние танцы.

Жаркое солнце смеется сквозь голые ветки,
Вдоль голых домов скользит, овеяв их, ветер.
Осенним теплом рождены мечты про уют,
Когда – шире шаг! – колеблясь, колонны бредут.

Взвод, стой! По четыре в ряд! – О Франции наши
Были мечты как о солнцем залитой пашне,
Счастливом крае цветов и прекрасных дворцов,
И Париж, Париж! – Где каштаны прямо в лицо
Смотрят, приветствуя нас, - как у порога Рая!
(Есть солнце и здесь – деревья под ним умирают.)

И Германия в наших мечтаньях живет:
Край песен, где в деревушках – наивный народ,
Крестьянин, забыв о скоте и навозе,
Слагает стихи лишь о деде и розе...

Эдвард ШАНКС
Спящие герои

Старый Барбаросса
Спит не один,
Склонив на камень бороду
С клочками седин.

С ним Карл Великий
И Артур. Они
Мечтают о свободе,
Погружены в сны.

Когда ворон их кликнет,
Все трое встанут,
Взяв мечи, в небо
Взглянут устало.

Артур что-то буркнет
Про суровое утро,
Карл – что красного солнца лучи
Пастуха зовут.

Барбаросса смолчит,
Хотя в каждой кости
От сырости ревматизм
Отзовется злостью.

Но из серого неба
Дождь польется, и снова
Три спящих героя –
В прежних оковах.

Олдос ХАКСЛИ

Пятая песнь философа

Миллион сперматозоидов, - знаю:
Им всем суждено умереть!
Из катаклизма, как Ною, -
Лишь одному уцелеть.

И среди этого миллиона
Были зародыши для
Новых Шекспира, Ньютона, Донна,
А одним оказался Я.

Позор! – Когда лучшие мыкались,
С ковчега – пинком ноги!
Было б честнее, Гомункулус,
Если бы ты погиб!

Эдмонд БЛАНДЕН

Полночные конькобежцы

Деревья застыли в молчаньи ночном,
Внизу подо льдом притаился пруд,
Деревья тянутся к небу, а в нем
У трона безмолвного звезды поют.
Но взглядом своим из них ни одна
Не может достичь черного дна.

Не смерть ли застыла во взгляде вод
Пруда, что разбужен ночью от снов?
Он хочет схватить, он их возьмет,
Безумных Земли дочерей и сынов!
И там, внизу, под прозрачным льдом
Он сети расставил во мраке ночном.

Так скорей, - кровь стучит, - закружитесь над ним
И танцуйте, резвитесь, забыв себя,
И терзайте лед касаньем своим,
И ласкайте его, как будто любя,
И скользите, смеясь, причиняя зло,
Пусть он ненавидит вас сквозь стекло!

Эдмонд БЛАНДЕН

Октябрь пришел

Я слышу, как плещется лебедь в ручье,
Задевая крыльями за кустарник,
И малиновка с ветки смотрит в течение,
Поет про пришедшую осень устало...

Тому, кого любит, говорит дева:
“Посмотри, это лютик...” Они поглядели,
И снова молчанье настало;
Осень и им сомкнула уста...

На мою руку села мушка;
Я гляжу, как она взлетает, летит,
Надо мной – облака, я слушаю
Ритм минут, - он прозрачен и тих.

Это – одежды осени; это – одежды сна;
В траве – случайная просинь, там, как весна, -
Незабудка; молча мышь на нее глядит.

Она глядит – и грызет листок,
Ей тепло, пусть льдом покроется речка,
Снегом – поле и в поле стог,
И заснет мотылек, и грустить нечего...

За весь день ни один лист не упал.
Миллионы горели, пожар был ал,
Напоминая, что даже этот покой – не вечен.

Сэсил ДЭИ-ЛЬЮИС
Вступление к “Переходной поэме”

Теперь я постиг все причины.
Отринув школярские мненья,
Я вижу, что хаос – во мне.
Наш мозг выделяет рутину -
Яд, крепче Фессалии вин,
Тот гной, что ничем не смыть, -
Он губит и здравый смысл,
И хаос творит он один.
И знаю: всей жизни громоздкой
Мы не сможем смысла познать,
Симметрично стремясь подогнать
К ней квадранты нашего мозга.

Я мыслю себя, отвергнув
Банальный язык поэтов, -
Соколом, что на рассвете
Дерзко взмыл над брэнною твердью.
“Как смешон человек, он вечно
Ловит мысли крючками слов,
Погружая в Лету весло,
Ищет покой в бесконечности!..”
Пусть смеется, - ведь я отвечу:
“Из всех, кто живут и молятся,
И рожают детей, - кто сможет
Стать смычком для тех мыслей вечных,
Что плывут, будто стаи птичьи?
Тех струн, что подобно неводу
Тянет вдаль корабль неведомый,
Чей курс нам – не постичь?”

И сидя в лесу, смотрю я
На ветвей полуголые палки:
Застыли стропила, балки,
Опершись на воздушные струи;
Я знаю, что первый же ветер
Разрушит тех веток арки,
И спустится полдень яркий, -
Я пойму изменения эти:
Пускай на ветру, в танце,
Листья наземь, в прах упадут,
Как звезды со свода – под утро, -
Но архитектура леса – останется.

Сесил ДЭИ-ЛБЮИС

Из поэмы “От оперенья – к железу”

XI

Темная комната. Это -
Чрево. В молчаньи, без света
Из Ничего здесь рождается Нечто.
Другая темница. Это –
Склеп. Здесь, в саван одето,
В Ничто превращается Нечто.

Нам нельзя обмануть
Двух темниц тех скорбную суть,
Что в костях наших скрыто означена.
В наших силах лишь чуть
Скрасить длинный тот путь,
Где в конце, как в начале, мы плачем.

Сесил ДЕИ-ЛЬЮИС

Из поэмы “От оперенья – к железу”

XXIV

Теперь о постоянстве. Взмах ресниц
И губ изгиб – напрасно нам приснится;
Ведь похоть (по Христу) очей – блудница.

Лишь притяжение душ, стали к магнитной мине,
Крови растворенная суть (как суть розы –
в кармине)
Сильнее желаний-псов, чью верность надо кормить.

Счастлива, дремлет под солнцем река, чье ложе
Вбирает потоки, ручьи и росу, но с челом
Ясным, верна океану, несет все дары
лишь в свой дом.

Но, тщетно меняясь дарами, мы - не разбогатеем
И не откроем далей, которых так хотели,
А близость – найдем лишь такую,
как близость пиявки к телу.

Но слушай: трепетно наши сердца стучат
друг другу,
Невидимой связаны цепью, знают одну дорогу.

Сесил ДЕИ-ЛЬЮИС

Из поэмы “Магнитная гора”

28

Пусть еще баррикады зимы,
Но весеннее в воздухе чудо,
Семена его в юность возьми –
И найдешь Виргинию всюду!

Посмотри, скоро крокусов строй,
Как повстанцы, вспыхнет огнем,
Скорострельной алой пальбой
Расквитаются с зимним днем!

Над могилой нарцисс встает,
Чтоб весны аромат источать,
Собирал он золото год, -
А растратит – за счастья час!

Им Земля дарит жизни срок,
А Солнце – любовь, и, сыт,
Тратит юность гордый цветок,
В семенах его Вечность спит.

Проследи полет пустельги:
Что за тайну пугливо хранят
Ее крылья? Круги и круги...
Птица села. Тут – сути клад.

Наконец, ты нашел эту нить,
До Магнитной горы – лишь чуть,
Не пустыней, не морем плыть, -
Как ты бредил... Нет, здесь твой путь.

Тут свой знак ты поставь и, в руке
Заступ держа, найди
Путь к желанной магнитной руде –
Компас чует ее впереди.

Там, во тьме, мир чудес расцветает:
В жилах чрева гонит кровь
Кварталы домов, толпы кранов и стаи
Твоих авто и тракторов.

Сесил ДЭИ-ЛЬЮИС

Из поэмы “Магнитная гора”

35

Нам так в эти зимние дни
Язык смерти постыл...
Она усмирила все кругом,
Расставив сугробов посты.

Похоронен зеленый мир,
День короток и безжизнен;
Волоча по снегу кровавый след,
Солнце сдает рубежи.

Весна сквозь смерти конвой
Клинками проложит путь,
И любовь, проснувшись, сбросит
Ночного кошмара путы.

Глаза – пусть не наши – узрят
Сигнальный огонь над землей;
Победное солнце вновь осветит
Мир – но уже иной!

Сесил ДЭИ-ЛЬЮИС

Из поэмы “Магнитная гора”

36

А теперь поднимем в прощальном хоре
Голоса и стаканы, и звонко пропьем
Свою плоть – докторов грядущих доходы,
На смертях растущие с каждым днем!
Но с нашей магнитной горы пусть будет
Маяк озарять чистейшим светом
Тот мир, к которому тянутся люди,
Как к солнцу – подсолнухи и дети.

Пьем за окрепшие нервы, и ухо, и глаз –
В день, когда каждый услышит в крови
Голос, извечно ведущий нас
Путиами ненависти и любви,
Когда, наполняясь дождем и огнем,
Как колос, набравший зрелость за лето,
Мы восторг ощутим и – обернемся,
Как к солнцу – подсолнухи и дети.

Этот праздник – наш сон, но явь – миллионам,
Звон церковей над полями, в гудках – завод,
В новогоднюю ночь под мансардой влюбленных
О пришедшей любви хор гвардейцев сплет...

Нам с горы этот день уже виден: повсюду
Он долины окрасил торжественным светом,
И к нему в городках потянулись люди,
Как к солнцу – подсолнухи и дети.

Так мани, о Маяк, как солнце, как сон,
Даст чадам – чудо Творец над твердью!
Над оттаявшим миром – колокола и клаксоны
Поют о смелости – против смерти!
Забудем свой дом и тоску о нем,
На улицах – улей танцующий встретим,
Это – наш день, так, друзья, обернемся,
Как к солнцу – подсолнухи и дети!

Джон БЕТЖАМЕН

Город

Дельцы, чьи руки странно праздны,
Остроты на губах их грязны,
В улыбке, хищной для супов,
Сверкает золото зубов,
В мечтах вкушают, преуспев,
Объятя малокровных дев,
Что оживят их серый сон
И подозренья верных жен.

Юнцы, что за конторкой сидя,
Лишь школьников друг в друге видя,
Желают грешниками слыть,
Но сытный ужин – похвалить.
И право, чем смешны отцы?
И – вечер: вот отец, вот сын,
И нет важней у них задач,
Чем обсудить футбольный матч.

Чарлз МЭДЖ
Посвящение I

Здесь кричит и мечется образ,
Высокий, сухой и бескрылый!

Средь знаков, подобно луне,
Вдруг появляется он.

Дует ветер и вдаль уносит
Прошедшие через глотку
Слова, что легки и непрочны.

Дует ветер и прочь уносит,
Уносит слова в темноту
Под обутые ноги людей.

Но все же они продолжают –
Супруги в разлуке –
Жить; нелегко их сломить;
Они лишь с трудом растворяются
В дожде, суровом иль теплом.

Есть у них резонанс, это –
Тот образ, что будто лист,
Падает и кружится.
Бесчувственны, листья гибнут,
Опускаясь на землю, к природе,
Как люди – извилистым следом,

Образуя почву для спор лишайников,
ложе случайных связей.

Уистан Хью ОДЕН

О что там за звук...

- О что там за звук, что так сверлит, рыдая,
Воздух в долине нашей, нашей?
- Это наши солдаты, родная,
Идут с барабанным маршем.

- О что там за вспышки вдали сверкают
Над лесом далеким, далеким?
- Это их ружья на солнце, родная,
Качаются шагом легким.

- О что они делают там, шагая,
В это чудесное утро, утро?
- Это всего лишь маневры, родная,
Вот видишь – они бегут.

- О почему они вдруг, наступая,
Развернулись иначе, иначе?
- Наверно, приказ изменился, родная,
Но почему ты плачешь?

- О верно им нужен доктор, я знаю,
Зачем же тогда они стали, стали?
- Что ты, никто не ранен, родная,
Просто они устали.

- О чья там вдали борода седая,
Им нужен священник, священник?
- Нет, они мимо идут, родная,
Не нужно им отпущенья.

- О вот уж и ферма, ворота сарая,
И фермер в белой рубаше, рубаше?
- Они миновали ферму, родная,
И – побежали в страхе!

- О что ты, куда? Останусь одна я?
Ты клялся меня любить, любить?
- Я клялся любить тебя, родная,
Но мне пора уходить.

Вот сломан засов, настезь – калитка,
И взгляды – назад, назад!
Их тяжки шаги по каменным плитам,
И их глаза горят.

ИЗ ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЭЗИИ

ХІХ-ХХ ВЕКОВ

От Бодлера к Аполлинеру

Шарль БОДЛЕР

Альбатрос

Иногда для забавы матросы, играя,
Ловят белых гигантов, летящих в зенит,
Обездоленных спутников брэнного Рая –
Корабля, что над горькою бездной скользит.

И едва их на мокрую палубу бросят,
Уготовив бесчестие белым богам, -
Станут тяжелой обузой крыла альбатросов,
Что как весла влачатся у них по бокам.

Вот один – ковыляет, иные – уж трупы,
Здесь – смеются и дразнят его - или там
В черный клюв ему тычут горящую трубку –
Как он жалок – несчастный, который летал!

О Поэт, ты похож на крылатых богов,
Чей полет в урагане – как вызов судьбе!
На земле, средь толпы – ты осмеян, окован,
И крылья гиганта мешают тебе!

Шарль БОДЛЕР

Приглашение к путешествию

Дитя мое,
Давай вдвоем
Уйдем в рассвет, чтоб жить, любя,
Любить, желать
И – умирать
В стране, похожей на тебя:
Там влажных солнц
Туманный сон,
Лучи – ресницы в блесках слез
Тех милых глаз,
Где каждый час
Меняются капризы грез...

Там – лишь покой и счастье,
Гармония и сладострастье...

Там роскошь зал,
В глуби зеркал
Спят в нашей комнате цветы,
Их аромат
И нежный взгляд
Восточной негой налиты;
В сияньи дня,
Покой храня, -
Спит блик на пышном потолке, -
Все тихо спит,
Но говорит
С душой на нежном языке...

Там – лишь покой и счастье,
Гармония и сладострастье...

Вечерний звон,
Каналов сон,
Колышет ветер мачт кресты,
Готовых мчать,
Предупреждать
Твои малейшие мечты!..
Поля лежат,
Уже закат
Сомкнул тюльпаны в тихом сне;
В зеркалах вод
Закат уснет,
Растает город в тишине...

Там – лишь покой и счастье,
Гармония и сладострастье...

Шарль БОДЛЕР

Привидение

Как демоны, чей взор суров,
Я возвращаюсь в твой альков.
В сгущающейся темноте
К тебе скольжу я, точно тень.

Твои, брюнетка, страшны сны:
Целую, холодней луны,
Ласкаю, будто гибкий змей,
Что извивается во тьме...

Рассвет, и стоны нежных уст...
Мой край постели снова пуст,
До вечера тебя знобит...

И пусть не блеск, не сонм страстей
Над жизнью, юностью твоей, -
Хочу – пусть Страх царит!

Поль ВЕРЛЕН

Из цикла “La bonne chanson”

III

Луна, чей свет –
Сквозь кроны – в небесах...
Лес, где с веток
Слетают голоса,
Срывается с губ имя...

О любимая...

Пруд молчалив,
Внимая одной
Плакучей иве,
А ветер доносит
То плачи, то трели...

Прислушайся: это – время...

Огромен и нежен,
Небосвода покой,
Покинув безбрежность,
Сольется с землей,
Где луна озаряет нас...

Это – наш час!

Стефан МАЛЛАРМЕ

Звонарь

По утрам, когда колокол ясным звоном
Озаряет поля, разгоняя туман,
Призывая к молитве дитя, тихий сад и газоны,
Где с лавандою рядом застыл тиммиан, -

Качаясь на камне, звонарь, над амвоном, -
Вновь задел его им освященный турман, -
Прерывая латынь усиьем и стоном, -
Вечный тянет канат, отдающий лишь гулкий обман!

Но звонарь этот – я, и в манящую ночь
Я давно уже тщетно несу Идеал,
Холод старых ошибок в касаниях крыл я узнал,

А снисходят ко мне – лишь обрывки и клочья!
Но вот, камень сняв, устав на своем посту,
Я – шею в петлю – и к тебе, Сатана, - в пустоту!

Стефан МАЛЛАРМЕ

Листок из альбома

Внезапно и как бы играя
Мадемуазель захотели Вы
Узнать разноцветные грани
Моих флейт в лесу среди листвы

Мне кажется эта забава
Озаря зелень лесов
Прервется чтоб дать мне право
Вам заглянуть в лицо

Мой стих смущенно притих
Предельно насыщенный тон
Недвижность пальцев моих
Но зря имитирует он

Ваш смех будто смех ребенка
Пленяющий воздух звонкий

Стефан МАЛЛАРМЕ

Записка Уистлеру

Как улицы из-за угла
Ветер подул и стих,
Чернее чем шляпы – черная мгла,
Но танцовщица – как вихрь,

Вихрь муслина, как пена, - и
Иступленье колена ее,
Что вздымает мгновенно сны,
Для которых мы живем!

Чтоб опять в сотый раз царить,
Пьяно-умная, роздана всем, -
Пачку взвить – и насмерть сразить,
А иначе – царить зачем?

Там, где бурей восторгов и свиста
Ее юбку взметает Уистлер!

Стефан МАЛЛАРМЕ

Но девственно-белый и чистый...

Но девственно-белый и чистый, как день,
Он нас поразит ли, подобно судьбе,
Ударом крыла, в чьей бесплодной борьбе
С оковами льда он избегнул паденья?

Он, некогда Лебедь, смог вспомнить лишь тень
Тех дней, что промчались, подобно гурьбе,
Когда в синеве пел он, верный себе, -
Чтоб все променять – на озерную сень?

И шея, и грудь его вздрогнут во сне,
В агонии белой рассыпется снег,
Чей плен он в последнем презреньи отверг.

Застывший призрак испустит лишь лепет
О том, что под ним – не родимая твердь,
Он, в ссылке своей бесполезной, - Лебедь.

Стефан МАЛЛАРМЕ

Самая суть души...

Самая суть души
Когда мы вдыхаем ее
Дыма кольцо бежит
Над новым кольцом смеется

Дым истлевших сигар
Познавших тайны огня
Его поцелуя дар
Рдеет с пеплом обнявшись

Меж тем как романсов хор
К губам долетает ли он?
Презренных помарок позор
Созвучий как дым искривленных

Реальностью тает во рту
Твоя смутная литература

Поль ФОР

Дождь

Дождь из тысячи сит моросит. Горизонт,
скрываясь, скользит. Но куда же они бредут, те
холмы, чей так скорбен вид, что на спинах лесистых
несут бремя скуки и вечных обид?

Где же ты, Андели-ле-Пти? Лишь недавно я
видел твой мост, стены замка, что в гору врос...
Горизонт, скрываясь, скользит. Дождь из тысячи
сит моросит.

У края лесов, из тьмы – кого вдруг увидим мы? –
То гигант, он бредет и скорбит, - ты ли это, старик-
исполин, старый замок, несущий сплин
девятивековых обид?

Дождь из тысячи сит моросит...

Гийом АПОЛЛИНЕР

Клотильда

Анемоны анколии
Брошены в саду зеленом
Там где спит меланхолия
Между смертью и любовью

Там дневные наши тени
Ночь погасит разлучит
Гаснущего дня лучи
Исчезают вместе с ними

Божества бегущих вод
Наши волосы в саду
Вместе с ночью вдаль уйдут
Наши тени наши души

СОВРЕМЕННАЯ ИТАЛЬЯНСКАЯ
ПОЭЗИЯ

Антонио ФУСКО

Из книги «Мысли на закате»

Видение

Сквозь жалобы сумерек дневной свет
проникает
трепещущим цветом
и дрожью ветра.

Размышление

Когда солнце,
опускаясь,
начинает отбрасывать тени, -
даже гномы
становятся великанами.

Осень

Бледный осенний свет
пробивается между туч.
Говорю с колосьями русской пшеницы,
слушаю песни жатвы
и далекие голоса –
эхо скорби
об уходе из жизни фиалок, бесследно
развеянных ветром.

Залив Гаэта

Вечер. Луна, появившись, закрылась
кулисами туч.

Гул: далекое море нелепо стремится
вернуться навечно –
волною прибоя,
голос оставшейся жизни
в мире мертвых.

Радуга

Бабочка резво порхает,
купаясь в вихре света и цвета...

В двадцать лет я тоже мечтал
парить в синеве, близ солнца,
вдали облаков и пыли, -
в двадцать.

Но за часом час
неумолимая пыль оседает
мне на лицо,
покрывая его
слоем пепла.

*Полуночное размышление
(1 декабря 1992 г.)*

Снова ночь, и рожденье
одинокой звезды
(эхо надежды).
Приятно забыться,
когда при свете камина,
в блуждающих бликах огня
оживают легенды на старых стенах.
И можно
пройти сквозь границы
зыбкие тени и света,
уходящего вдаль, за черту,
туда, где моя душа
заморожена холодом мрака.

Иллюзия

Завтра одна лишь слеза
любви
и старое сердце мое
споют для тебя,
цветок моих нежных мечтаний,
последнюю песню Весны.

Трудный день (28 апреля 1993 г.)

Вот в пустоте
день рухнул, как цветок из камня,
собор иллюзий.
Но продолжай свой путь,
ведь часто
смысл Жизни –
лишь далекий проблеск света
и эхо слабое мечтаний.

Вариация на ту же тему (28 апреля 1993 г.)

Вот в пустоте
мечтою рождена надежда...
Но продолжай свой путь в потемках:
ведь свет – иллюзия, лишь отблеск
мечты о Жизни.

Горечь

Солнце, неся свет,
дает миру жизнь,
согревая землю,
но – гонит прочь сны,
убивает фантазии и мечтанья.

Анти-материя и нейтрино

Но если есть у жизни “смысл”, то это –
подарок Разуму:
идея постиженья
охвата бесконечной пустоты
непознанной Вселенной, где
безмолвно распростерты
чьи-то крылья.

Март

Снова цветет миндаль,
ласточка снова летит,
снова дыханье фиалки,
снова закатный луч
напомнит о долгом дне
снов о далеком детстве.

СОДЕРЖАНИЕ

Английская поэзия XIX века:

От Блейка до Киплинга

Вильям БЛЕЙК	5
Джордж Гордон БАЙРОН	6
Перси Биш ШЕЛЛИ	7
Джон КИТС	8
Томас ХУД	15
Элизабет Барретт БРАУНИНГ	22
Альфред ТЕННИСОН	23
Роберт БРАУНИНГ	39
Чарлз КИНГСЛИ	41
Томас ХАРДИ	42
Роберт БРИДЖЕС	43
Альфред ХАУСМАН	44
Вильям Батлер ЕЙТС	45
Лоренс ХОУП	48
Радиард КИПЛИНГ	50

Английская поэзия XX века:

От Джойса до Одена

Джемс ДЖОЙС	53
Лоренс БИНЬОН	54
Ральф ХОДЖСОН	55
Уолтер де ла МАР	56
Эдвард ТОМАС	57
Гарольд МОНРО	59
Джон СКВАЙР	60

Дэвид Герберт ЛОРЕНС	65
Зигфрид САССУН	67
Уолтер Дж. ТЕРНЕР	68
Эдвард ШАНКС	72
Олдос ХАКСЛИ	75
Эдмонд БЛАНДЕН	77
Сесил ДЭЙ-ЛЬЮИС	79
Джон БЕГЖАМЕН	88
Чарлз МЭДЖ	90
Уистан Хью ОДЕН	91

*Из французской поэзии XIX – XX веков:
От Бодлера к Аполлинеру:*

Шарль БОДЛЕР	94
Поль ВЕРЛЕН	98
Стефан МАЛЛАРМЕ	99
Поль ФОР	104
Гийом АПОЛЛИНЕР	105
	:

*Современная итальянская
поэзия:*

Антонио ФУСКО	107
---------------	-----